

Петер Баум: Окопные стихи: Сборник стихотворений.**Пер. с немец. Е. Лукина. — СПб., 2019.**

Петер Баум (1869–1916) — немецкий поэт и прозаик, в юности мечтал стать священником-евангелистом. После неудачных попыток — по требованию отца — заняться предпринимательством поступил в Берлинский университет, где слушал лекции блестящего литературоведа Эриха Шмидта, познавал историю германской литературы и философии, писал стихи и прозу. В мастерской своей старшей сестры познакомился с Питером Хилле — писателем натуралистической школы — и бесповоротно решил заняться литературным трудом. Он посещал собрания Ассоциации художников и анархо-коммунистическое «Новое сообщество», где горячо спорили о путях нового искусства свободные художники и политические диссиденты. Сблизился с экспрессионистами, в первую очередь с Гервартом Вальденом — основателем журнала «Штурм», ставшего ведущим изданием немецкого экспрессионизма. Среди авторов этого журнала были Кнут Гамсун и Генрих Манн, Сельма Лагерлёф и Эльза Ласкер-Шулер, там же публиковались стихи П. Баума. Творческие планы прервала Первая мировая война. Петер Баум под влиянием патриотического порыва ушел добровольцем на фронт. «Германия — милая мать великой земли, / И в сердце твоём материнском так много любви! / Но ныне тебя на страдания мы обрекли: / Под градом стоишь ты, родная, в крови — / Со всех концов света враги и тебя облекли». Поэт-эстет попал на Восточный фронт в должности санитаря, «оказался извергнут из жизни свободной / В самое пекло войны — в жерло огненной бури». «Мы рыли окоп, где деревья стояли. / Шальные снаряды вокруг танцевали, / Являя красивый саперский прием: / Взрыв — темная яма — густой чернозем. / Над нами весеннее солнце светило. / Оно неплохую судьбу мне сулило: / Сияли деревья, как будто в раю. / Руками я голову стиснул свою». Утонченный поэт-эстет среди жестких реалий окопной войны: «У нас внизу лишь тьма, и горе, и беда. / У нас внизу лишь смерть да черная земля, / Да скорбный стук лопат о мерзлые края»; «Кровавый хлам: когда мы пробирались через чужой окоп, / Мы видели врагов — их лица были искромсаны вдребь». Когда-то, восхищаясь евангельской чистотой творений поэта, Г. Вальден называл своего молодого друга «религиозным отроком». И написанные в окопах, под смертоносным огнем, стихи также наполнены религиозными мотивами и нотами светлой любви и печали. «Сияют звезды. Покидаем пост. / И тут меня возносит на помост / Блаженство духа. Стелется покров. / Горят святые свечи среди миров». «Все белым снегом вьюга замела, / Мария в белом платье низошла. / Дитя Ее на крест вознесено, / Вокруг в полях белеет полотно. / На белом стержне белый ковш повис. / Источники над бездной пролились. / Мария влажный взор бросает вниз». Обжигаясь на привале горячей балладой, поэт вспоминал свой сладкий детский сон — Рождество, мерцание мирных свеч и колокольный звон; музыку из окон кофейен, беззаботный смех порхающих красавиц, среди которых была и та, что желаннее прочих. Присутствует ли антивоенный пафос в стихах Баума? Несомненно. Пришло ли прозрение? Пожалуй, хотя желание защитить отчий дом не пропало. «Они нам наврали, что битва без битвы случится. / Откуда ряды черепов, что пробиты насквозь? / А битва все длится и длится, / И с каждым снарядом, который по небу промчится, / Умножится горестный список несчастий и слез». «Так отправляли смерть мы каждый день с тобой. / Повелевали из стволов чужой судьбой, / Творили матерям страдания с лихвой. / Когда-нибудь домой вернемся, друг, / И будем горевать, прозрев однажды вдруг, / Что

всё живое жаждали убить вокруг». Петер Баум погиб в июне 1916 года. 5 июня осколками шального снаряда поразили его в голову, когда неподалеку от передовой он рыл могилы для погибших солдат. На следующий день он скончался. Это случилось в небольшом латвийском городке Кекава на берегу Даугавы. Незадолго до гибели П. Баум сочинил пророческие стихи о железном Молохе войны: «Где волки бежали сквозь снежную ночь, / Внезапно нагрязнул неистовый холод, / Завыл дикий ветер и бешеный голод, / И стали снаряды сугробы толочь. / Ощерился ярый железный оскал: / Он крови и плоти моей возжелал. / Нам рано бежать, что ты, ночь, ни пророчь, / На гибельный зов через снежную ночь, / Где выстрел поставит последнюю точ...» Получив печальную весть, Г. Вальден собрал фронтовые стихи своего друга и выпустил их отдельной книгой под названием «Окопные стихи». Творчество Петера Баума широко известно в Германии. В России его произведения впервые опубликовал петербургский поэт и переводчик Евгений Лукин. Сначала в уникальной антологии мировой поэзии «Книга павших», изданной к 100-летию начала Первой мировой войны. В ней представлены фронтовые стихи погибших поэтов из 13 стран мира — 31 автор. Публиковались подборки стихов Баума и в журнале «Нева». Сборник «Окопные стихи» в России публикуется впервые, приурочен его выход к 150-летию юбилею поэта. Сборник билингвистический, в нем помещены и оригинальные тексты на немецком языке. В предисловии к антологии «Книга павших» Е. Лукин отметил, что представленные им авторы «были солдатами разных враждебных государств и творили на разных языках, но в их стихах, вопреки всякой ненависти и злобе, вопреки всякой ярости и озверению, звучал один всепобеждающий мотив — мотив любви». Всепобеждающий мотив любви явственно звучит и в поэзии П. Баума.

315. Рассказы писателей Санкт-Петербурга. СПб.: Союз писателей СПб., Петрополис, 2018 — 292 с.

Наверное, неудивительно, что в повестях и рассказах петербургских писателей одним из главных героев непосредственно или опосредованно является Санкт-Петербург. Величаво-холодный, отрешенно-беспощадный, когда-то пошатнувшийся рассудок пушкинского Евгения, как у А. Гиневского в рассказе «Мост, пролетка и Нева». С распаханной и засеянной картечью, залитой кровью Петровской площадью и в то же время радостной суетой у Гостиного двора, как у Б. Голлера в повести о восстании 1825 года («Петербургские флейты»). Он такой разный, город на Неве. Вот так увидел его Валерий Поляков с борта катера, вплывающего в мещанскую, ремесленную часть Петербурга: «трехэтажные пыльные домики с кургузыми колоннами, трогательные и жалкие в наивных попытках походить на дворцы. ...Ампирный домик с острым „скворечником“ наверху, с круглым чердачным окошком, ржавым балкончиком на фасаде. Над низкой сырой аркой — полуисчезнувший символ ушедшей эпохи „Осоавиахим“. ... Звезда с тремя концами (два отвалились), под ней скрещены винтовка и пропеллер, и вьется каменная лента с буквами „Крепи обо.. ну С...Р“» («Вид Петербурга с воды»). Свой, застывший Питер есть у А. Мелихова: «На углу Девятой „Рыба“ прежняя. Но пивного ларька уж нет. Для вас нет. А для меня двое работяг по-прежнему прихлебывают пиво... Для меня на месте и невидимая „Кондитерская“, где неутомимая машинка вынимает из кипящего жира бронзовые кольца пышек, награждавшие сластолюбцев пивной отрыжкой. Над пышечной на унылом брандмауэре и сейчас стынет огромный плакат — крохотные пингвины прохаживаются вокруг прозрачной бутылки „Smirnoff“». А вот таким город был в день 1 мая 1946 года: «В трамвае было много народу. Много его было и на тротуарах, на самих улицах. Люди с шариками, раскидаями, трещотками. Подвыпившие, веселые. В самом вагоне слышна была гармошка. В окно было видно, как

то там, то тут окружали гармониста, пели, плясали. Особенно, конечно, бросались в глаза военные. Чаще одетые по-летнему, в одних гимнастерках, с блестящими орденами и медалями. Штатские смотрели в их улыбающиеся лица с горячей признательностью: приближалась годовщина Победы» (А. Гиневский. «Куинджи и хлеб сорок шестого»). Но город — это и люди с их радостями и горестями, с надеждами и разочарованиями. Жесткое послевкусие испытывают после декабрьского «стояния» на площади мятежники, царь, его домочадцы, старые генералы и свидетели-обыватели. Будущий наследник страдает из-за того, что ему пришлось провести скучный день со взрослыми, рвота раздирает вернувшегося с площади великого князя Михаила Павловича, решительность обретает сестра своих братьев Елена Раевская. Неистребима у петербургских писателей и память о трагических днях блокады. Пронзительны блокадные рассказы Е. Асмус, П. Пигаревского, С. Кулешовой, О. Солода. Е. Асмус, «Кролик»: на кобальтово-синем «мейсеновском» фарфоровом блюде — морковный пудинг из крахмала с добавлением одной чахлой морковинки, сваренной и истертой в мелкую крупу, на другом блюде — горка сваренной гречи, и как сюрприз — жаркое из кошки, есть которое не может хозяин дома. Блокадный Новый год. Читатель сможет вспомнить и советский период, где быт ленинградской коммуналки имел свой неповторимый дух и был полон неожиданных поворотов судьбы, а посиделки на кухне в хрущевке или за столом в коммуналке являлись привычным душевным делом, почти ритуалом. Можно побывать с Е. Лукиным на его счастливом месте встреч с Учителями и поэтами: в Герценовском педагогическом университете, а точнее, в его главном здании — бывшем дворце графа Кирилла Разумовского. Там, на третьем этаже располагалась редакция газеты «Советский учитель», сотрудником которой он стал еще студентом. Или побывать с А. Гиневским в филармонии в те времена, когда билет туда стоил чуть дороже, чем в кино или в баню. А можно прикоснуться и к современности, легендам и реалиям наших дней в рассказах Н. Кузнецовой, С. Мосовой, К. Грозной. Петербург — это и город, где неразрывны таинственные связи между прошлым и настоящим. В предвоенные годы тринадцатилетний подросток заслушивается блатными песнями в исполнении соседки по коммунальной квартире. Она же, отсидевшая свое Сонька-проститутка, знакомит его со стихами поэтов Серебряного века, и случайно выясняется, что известный советский политический и военный деятель Иван Газа с «друзьями-революционерами» были заведателями заведения, где она «работала», и регулярно поставляли туда «конфискованную» у буржуев еду и выпивку (С. Арно. «Здорово, Ванька Газ!»). А в рассказе В. Заренкова «Старый дом» чемоданчик с драгоценностями, переданный одиннадцатилетнему мальчугану преследуемым милиционерами бывшим владельцем дома, помог выжить в блокаду мальчику и его матери, а уже в наше время — спасти, отремонтировать пришедший в упадок когда-то роскошный дом. Петербург — это и фантазийный город. Только здесь, наверное, после встречи в коридоре с соседом-алкоголиком можно познать тайную жизнь теней, начало которой дал ученик Филонова, когда-то перешедший в нарисованную тень на картине учителя. Только здесь можно стать свидетелем того, как в Эрмитаже прозрачный ангел старается освободить из плена вечности свою подругу, ангела и натурщицу художника эпохи Возрождения, оказавшуюся в плену от того, что рука художника дрогнула из-за окрика ревнивой супруги (П. Алексеев. «Тени», «Ошибка художника, или Ангел на полотне»). И не покажется удивительным, что «неподалеку от трассы „Скандинавия“, там, где смешанный сосново-елово-березовый лес бьется в смертельной схватке со знаменитыми питерскими болотами, там, где культурная столица России наступает своим новостройками и на болота, и на смешанный сосново-елово-березовый лес, живет-поживает наша потомственная питерская баба-яга». В трехэтажной избушке с мужем Илюшей, настоящим богатырем, чьи предки из тех коренных питерцев, которые сами из Мурома (И. Мясникова. «Баба

Яга и Союз нечистой силы»). Рассказы и повести 28 писателей-членов Союза писателей Санкт-Петербурга: документальные, исторические, детективные, фантастические, реалистические, юмористические, это классическая проза, призванная сохранить Петербург, каким он был и каким есть сегодня.

Семен Ласкин. Одиночество контактного человека. Дневники 1953–1998 годов. Составитель, автор пояснительного текста и примечаний А. Ласкин. — М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 520 с.: ил.

Около пятидесяти лет петербургский прозаик, драматург и сценарист Семен Ласкин (1930–2005) вел дневник. Как прозаик, воспринимая окружающее через диалоги, подробно фиксировал беседы, мнения, оценки, реплики собеседников. Записывал то, что слышал сам или от кого-то во время прогулок по родному городу, по Комарово, в поездках в разные города СССР и за границу, на вечерах в Доме писателя и в гости у художников. Среди собеседников были Битов, Чаковский, Нагибин, Распутин, Сошнора, Смоктуновский. Некоторые встречи не имели продолжения, но остались запечатленными: с А. Ахматовой, И. Эренбургом, В. Кавериним. Сквозные герои дневника и постоянные собеседники Ласкина — ключевые фигуры послевоенной советской культуры: В. Аксенов, Г. Гор, И. Авербах, Д. Гранин. Впервые В. Аксенов упомянут в 1956 году среди студентов Первого медицинского института (там учились оба будущих писателя), желавших попасть на флот на практику. С каждой новой записью фигура Аксенова укрупняется, становится совсем крупной, расцвет дружбы — 1960-е годы. В 1959 году на военных сборах в Таллине С. Ласкин подружился с будущим кинорежиссером И. Авербахом, оба только что окончили Первый мед и имели звание младших лейтенантов запаса. Удивлявший не только позой и жестами, но и поступками И. Авербах предстает как наставник, обожающий учить; у писателя с поучающим режиссером отношения складывались не просто. Старшим товарищем для Ласкина являлся Д. Гранин, «общественник», занимавший важные посты в писательской иерархии, уверенный в себе и по-советски осторожный, никогда не допускавший безапелляционных утверждений. Ласкин записывал все разговоры с ним, так же как и с Г. Гором, писателем, который «вывел в люди» С. Ласкина, написав в 1967 году предисловие к первой книге. Гор, самый близкий Ласкину человек, привил своему младшему другу любовь к философии и к живописи, «ставил ему зрение», объясняя, как надо смотреть картины и чем отличается подлинное от неподлинного. Вместе они ходили на выставки и в мастерские. С. Ласкин неожиданно для себя стал коллекционером и знатоком живописи. Он много писал о художниках XX века, по сути, открыл для широкой публики забытые имена мастеров русского авангарда: В. Ермолаевой, Л. Гальперина, В. Калужнина, К. Кордобовского. Ему принадлежит и открытие «наивного» художника Н. Макарова, о котором он рассказал в документальной повести. Рассказы о дружбе с петербургскими художниками А. Самохваловым, П. Кондратьевым, Р. Фрумаком, И. Зисманом составляют отдельный сюжет записей. С. Ласкин избегал должностей, но возглавил выставочную комиссию Союза писателей, организовывал выставки в Доме писателей, где Красная гостиная превратилась в салон не приласканных, а отверженных. Пожар в Доме писателей пресек эти выставки. В дневнике отражены и переживания, и раздумья его автора: о границах творческой свободы («пишешь, не оглаживаясь на опасность, на невозможность напечатать — получается хорошо, а с оглядкой — трусливо, плохо»), о власти, о зависимости, в том числе о страхе «броситься» в литературу и лишиться твердого дохода семью. Автор размышляет о литературе классической и современной, о своих творческих замыслах. У этой книги непривычная для дневников структура, нелинейная. Ее составитель, сын писателя, историк и прозаик Александр Ласкин собрал по отдель-

ным главам все, что связано с именами Аксенова, Авербаха, Гора, Градина, отдельные главы посвящены художникам, в одну главу объединил все, что касается самого автора, его огорчений и радостей. Каждая глава начинается предисловием, в котором объясняется тот или иной поворот жизни отца, проясняется подтекст дневниковых записей: общественный фон, события, настроения, эпизоды и ситуации, их вызвавшие, «ключи» к взаимоотношениям автора и близких ему лиц. Уникальные психологические портреты своих знакомых и в дневниковых записях С. Ласкина, и в очерках А. Ласкина, который и сам был свидетелем и участником многих историй. Двадцать четыре тетради — своего рода хроника жизни советской творческой интеллигенции на протяжении нескольких культурных эпох — от «оттепели» и до постсоветского времени. В дневниках излагалась не официальная версия событий, а частная, независимая. Дневники включили в себя множество лиц, событий, разговоров. И хотя их автор редко давал оценку времени, но дух времени и времен, надежды, страхи и разочарования переживаемых эпох присутствуют, а в беседах со старшими товарищами и с заходами на территорию боевых 20-х годов и мрачных 30-х. Драма поколения на примере Г. Гора (1907–1981), которому пришлось отказаться от собственного лица и из товарища по исканиям Хармса, Вагинова, Добычина стать рядовым советским писателем. Даже в оттепельные 60-е годы страхи преследовали его: «времена „казнят“ — это конец тридцатых, „исключат из Союза“ — годы Постановления о журналах „Звезда“ и „Ленинград“, „по Би-би-си передавали“ — эпоха Синявского и Солженицына». Сомнения, радости, впечатления ленинградско-петербургского литератора на протяжении сорока лет жизни образовали сюжет личный и исторический.

Екатерина Рождественская. Жили-были, ели-пили. Семейные истории.

М.: Э, 2018. — 432 с.: ил.

Книга Екатерины Рождественской, дочери известного поэта-шестидесятника Роберта Рождественского, — своеобразное сочетание воспоминаний и кулинарной книги. Здесь и истории семьи Рождественских, и детские воспоминания, путешествия и происшествия, родительские письма и стихи Р. Рождественского, и яркие портреты многочисленных родных, друзей и знакомых, личностей известных. Самые близкие друзья семьи — И. Кобзон и Л. Рошаль, Е. Урбанский, высокий фактурный красавец, открытый, щедрый, удивительно похожий на Маяковского. А еще М. Магомаев, павлинистый Е. Евтушенко, приземленный В. Аксенов, В. Высоцкий, В. Луговской, да практически все знаменитые певцы, композиторы, артисты послевоенной советской эпохи. Ничего необычного: «папа всех их любил, писал им песни». Менялись адреса: подвальная шестиметровая комнатенка в коммуналке на Воровского, куда принесли новорожденных — мать Е. Рождественской, ее саму; двухкомнатная хрущевка на Кутузовском проспекте, Калининский проспект, улица Горького. И всегда дом наполняли гости. «И родителям, и гостям чуть за тридцать, посиделки до утра, едкий дым столбом от „Беломора“ и прочей гадости, выпивается содержимое одних бутылок, им на смену достаются новые, в духовке сидят пирожки, на столе стоят закуски — чем богаты, поскольку количество гостей иногда зашкаливало, но главное — звучат стихи и песни, и спорят, спорят, до первого утреннего троллейбуса. ...В одну из таких ночей я не выдержала. Гости попались новые, не знающие удержу, громко поющие и топающие в такт». И маленькая девочка, не могущая заснуть в соседней комнате, «встала, открыла дверь в ад и спокойным ангельским голосом произнесла: „Все вы говны!“» Дом Рождественских был всегда открыт для гостей, что в Москве, что в Переделкине, шумные компании собирались вокруг них и в Коктебеле, и в Юрмале. И всех кормили, готовили всегда в расчете на значительное количество домочадцев и гостей, а собиралось иногда

до шестидесяти человек. Учитывали пристрастия гостей. К приходу Кобзона — жареную картошку на сале со вбитым туда яйцом, так, как делала его мама, плов, которым часто кормили в детстве, когда он жил в эвакуации в Узбекистане, мясные котлеты. Л. Рошалю варили его любимое блюдо — гречневую кашу с жареным луком. Гостям из советских республик помимо традиционных семейных блюд готовили что-то привычное для них, но с русским акцентом. Для Рождественского не существовало понятия национальности, главное, что это друг. «Для человека национальность / и не заслуга, / и не вина. / Если в стране / утверждают иначе, / значит, / несчастна эта страна!» Для иностранных гостей из стран, где побывали родители, составлялось особое русское меню, на закуску — оливье. Самым повседневным блюдом, которое съедалось каждый день, были жаренные в муке кильки. Рецептов не счесть: фаршированная рыба, пельмени по-рождественски, блюда из настурции, кофе из семян желтой кувшинки. Благодаря приправам, травкам, специям самые обычные блюда превращались в произведения искусства. Фактически эта книга — кулинарная энциклопедия традиционных и старинных семейных рецептов. Искусной кулинаркой была прабабушка Е. Рождественской. По преданию, ей пришлось сбежать из Астрахани от влюбленного губернатора, очарованного ее баклажанной икрой (рецепт приводится). В Саратове она открыла что-то вроде трактира, неплохо зарабатывала. Ее дочь, любимейшая бабушка автора, танцовщица в Театре оперетты, готовила так, что на ее стряпню в 70-х годах XX века съезжалась вся Москва. Свои рецепты были и у бабушки по отцу, происходившей из старинной сибирской старообрядческой семьи. Рецепты в наше время практически невозможные, вряд ли кто станет томить сазана на печке на самом холодном огне целые сутки. «Нет у нас сейчас столько времени. Да и нам уже не хочется. Лучше филе, рыбные палочки. Или крабовые». Расцвет кулинарного творчества самой Екатерины пришелся на «голодные» 90-е годы: перестройка, однообразие, очереди, скудость на прилавках, целыми днями охота за продуктами. В общем, особенности советской национальной еды и ее добычи: рынки, рестораны, продуктовые заказы. Реалии нашего советского быта, о которых рассказано с юмором и без ужасов о «жизни при коммунистах». Эта книга — и семейная хроника, ведущая отсчет с конца XIX века. Бабушки, прадеды, один из которых, обойщик, оформлял интерьеры Эрмитажа, другой — маляр, отделывал Ливадийский дворец в Крыму. На большой любви, на взаимном уважении, на терпении строились отношения родителей. «Все идет из детства», отсюда — и добрая, позитивно «заряженная» книга, хотя и трагичного в жизни было немало. Е. Рождественская, переводчик, дизайнер, известна как автор «Частной коллекции» фотопортретов российских знаменитостей в костюмах и интерьерах с картин великих художников прошлого. Одной из первых моделей стала Л. Гурченко, ей, учителю и другу, посвящена отдельная глава. «А про семейные рецепты теперь вы всё знаете, все они тут, в этой книжке! И книжка эта — настоящая сборная солянка, где помимо рецептов вся наша семейная жизнь: бабушки-прабабушки, работа и быт, друзья и родственники, путешествия и прогулки, дети и внуки. И специи. А соль и перец сами добавьте по вкусу».

Денис Ляпин. Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Булавин, 2018. — 336 с.

Реформы, интриги в верхах, народные волнения, сложная внутренняя политика в России. Смутное время, по мнению Дениса Ляпина, породило две тенденции. С одной стороны, за время отсутствия сильной власти государственные дела стали восприниматься в народном сознании как общее, «земское» дело, требующее вмешательства «мира» и после Смуты. С другой стороны, в Смуту усилилась роль амбициозной русской аристократии, в умах и настроениях московской элиты возникла идея ограниче-

ния царской власти. При молодом монархе Михаиле при дворе утвердились «сильные люди», влиятельные представители правящей аристократии. Равновесие между двумя тенденциями достигалось гибкой внутренней политикой. Коронация Алексея Михайловича нарушила равновесие: в Кремле началась борьба аристократии за власть и влияние на царя. Старая аристократия, оттесняемая на второй план (Черкасские, Шереметевы, Романовы), выступила против новых лиц в окружении царя, группы преданных ему лиц во главе с Б. Морозовым. В середине XVII века две эти тенденции — «народная» и «аристократическая» — столкнулись между собой. Автор опровергает каноны советской историографии, во всем искавшей «классовые противоречия» и рассматривающей XVII век как эпоху обострения классовой борьбы, игнорируя политические схватки в верхах. В делах давно минувших дней он видит попытку вмешательства народа в государственные дела с целью поддержать государя против влиятельной аристократии. Именно ситуация в Кремле в 1645—1650 годах порождала в народном сознании идею о «злых боярах», стремящихся ограничить власть благочестивого царя. Волнения начались с московского мятежа в начале июня 1648 года, ошибочно названного «Соляным бунтом». К 1648 году соляной налог был отменен. В июне 1648 года недовольное новой жесткой финансовой политикой население стало съезжаться в Москву в расчете лично передать царю Челобитную «мира». В ней «дети церкви христовой, холопы и сироты», «плача кровавыми слезами», просили государя не доверять придворному окружению, оберегать православие и «вершить праведный суд», поскольку «сам Бог вручает государям царский меч» для «наказания злодеев». В то же время русские люди клялись служить царю и защищать его интересы, предлагая свои меры по борьбе с «беззаконием». А именно: «повелеть всех неправедных судей искоренить, неразумных сместить, а на их место брать справедливых людей, которые бы за свой суд и службу пред Богом и перед твоим царским величеством отвечать могли». А дальше пошла в ход политтехнология XVII века: Я. Черкасский и Н. Романов науськивали народ против Б. Морозова, царю пришлось пожертвовать жизнью некоторых сподвижников, но удалось укрыть Б. Морозова, а впоследствии и вернуть в Москву. Взаимоисключающие слухи, что в Москве с разрешения царя неправедных «бояр и приказных людей посекали», что бояре захватили власть, а царь не может править страной, проникли в провинцию. Мятежники в поисках справедливости стали брать власть в свои руки. Воевод избивали, отстраняли, арестовывали, учреждали собственные органы управления, учиняли грабежи, последнее вызывало недовольство «мира». В 1650 году волнения охватили Псков и Новгород, жители которых были возмущены вывозом русского хлеба в Швецию, давнему врагу московского царя. Народ восстал против «изменников» воевод. О договоре, по которому православное население Швеции, бежавшее целыми семьями в Россию, назад не выдавалось, а за невыдачу людей Москва платила деньгами и хлебом, собранным во Пскове, оповещено «миру» не было. К мятежным городам направили московское войско, но дело кончилось примирением. Центральная власть старалась не применять жестоких репрессивных мер против бунтовщиков, лишь за убийства несколько человек были казнены. Впервые все волнения рассматриваются в комплексе, подробно, с яркими деталями. Автор констатирует, что мятежники никогда не выступали против царя, считая главным злом царское окружение — бояр и чиновников. Подробно изложены все перипетии придворной борьбы, в ходе которой царь, переигрывая старую аристократию, завоевывал самостоятельность. Одним из итогов стало «Уложение», свод законов, составленный в угоду царю и отражавший реалии своего времени. Подробно и о том, как утверждался авторитет Алексея Михайловича и на мировой арене, как формировалась новая идеология. Многочисленные ходоки из Украины, где началась война запорожских казаков под руководством Б. Хмельницкого против Речи Посполитой, православные церковные иерархи со всех концов света приезжали в Москву

с просьбами об освобождении Украины от еретиков-поляков, а Константинополя и Иерусалима — от мусульман. Идею особой миссии православного российского царства, защитника всех православных, продвигал и патриарх Никон. Эта идея потребовала и унификации обрядов Русской и Греческой церковью, где как более старые за образец были взяты греческие. Наблюдательные иностранцы озаботились тем, что «царь увлекается чтением сочинений по истории Грозного и его войн, что, наверное, захочет пойти по его стопам». Симпатии царя к фигуре Ивана Грозного (а образ Грозного в произведениях, доступных Алексею Михайловичу, отрицательным не был) автор расценивает также как свидетельство о новых самодержавных тенденциях, зародившихся в 1645—1650 годах. В это время было напечатано рекордное количество книг, главным образом идеологического содержания. Успехи царя в борьбе с оппозицией и на войне с врагами православия сопровождались новым изложением истории. Так появилась «Летопись о многих мятежах», новый взгляд на ближайшее прошлое, которое понималось как череда народных волнений и политической нестабильности, начавшихся в конце правления Ивана Грозного и закончившихся с укреплением власти нового самодержца Алексея Михайловича в 1650-е годы. И именно тогда в официальной литературе у Алексея Михайловича появляется эпитет «тишайший», связанный якобы с кротким и добродушным характером царя. Но эпитет означал совершенно противоположное — умение навести порядок и «тишину» в стране, твердой рукой прекратить мятежи и беспорядки. Социально-политическую борьбу середины XVII века автор расценивает как важный этап на пути формирования самодержавной системы управления в России. В приложении приводятся допросы, доносы, донесения послов и прочие потрясающие документы эпохи.

Альбер Шамдор. Саладин: благородный герой ислама.

Пер. с франц. Е. Кулешова. СПб.: Евразия, 2018. — 348 с.

Саладин (1138—1193) — едва ли не самый известный и почитаемый персонаж мусульманского мира. Он появился на исторической сцене в возрасте 26 лет в критический момент для Ближнего Востока, когда там за владычество боролись мусульмане и пришлые христиане-крестоносцы из Западной Европы. «Я начал с того, что сопровождал моего дядю. Он завоевал Египет и потом умер. И тогда Аллах дал мне в руки власть, которую я совсем не ожидал». Мелкий курдский военачальник Саладин стал правителем Египта, Ирака, Хиджаза, Сирии, Курдистана, Йемена, Палестины, Ливии, объединив под своей властью раздробленный до того времени исламский Ближний Восток. Он начал войну против крестоносцев и отбил у них священный город Иерусалим. В строгом документальном исследовании восстанавливается ход исторических событий: битвы, походы, осады, победы и поражения противоборствующих сторон — христиан и мусульман, исламских правителей между собой. А также заговоры, интриги, распри в обоих станах. Саладин предстает как успешный военачальник, дипломат, строитель, религиозный философ. Сухие факты преобразуются в красочные сцены, выпукло обрисовываются характеры, действия колоритных личностей далекого прошлого и их мотивы. Короли Иерусалимского королевства, среди них — прокаженный король-малолетка Бодуэн IV, которого выносили на поле боя на носилках, строптивые бароны, боровшиеся за трон Иерусалима: Рено да Шатильон, достойнейший противник Саладина Конрад Монферратский. И предводители Третьего крестового похода: коварные Ричард Львиное Сердце и Филипп Август, злополучный Фридрих Барбаросса, великий византийский интриган Исаак Ангел. Есть даже строптивые красавицы, рушащие политические планы своих высокопоставленных родственников. Автор поэтичен, когда живописует древние города (Дамаск, Мосул, Хама, Алеппо) и неприступные крепости.

«На этой величественной сирийской земле, под этим необыкновенно чистым небом, где столько цивилизаций сменили одна другую, оставляя после себя только воспоминания о своих мертвых городах и исчезнувших народах, воинствующее христианство оставило свой след». Суровые уроки истории: исчезнувшие цветущие города, как, например, Тир, когда-то богатый торговый центр, а ныне маленький городок. Французский историк Альбер Шамдор выступает не только как биограф, но и как философ, размышляющий о том, что такое идеальный мусульманин и каковы идеальные христиане. Он идеализирует причины Первого крестового похода, в результате которого в 1071 году на Ближнем Востоке появились Иерусалимское королевство, христианские государства и крепости крестоносцев. По его мнению, этот поход был вызван религиозным энтузиазмом масс, возмущенных приказом египетского владыки Хакима уничтожить храм Гроба Господня, разровнять холм Голгофы, сжечь реликвии. Автор идеализирует «либеральный» режим правления в христианских государствах и рыцарских орденах тех лет. Но признает, что со времен Первого крестового похода атмосфера поменялась — проявилась неизменная низость человеческой природы. Католический историк восхищается мусульманским стратегом и испытывает стыд за своих предков, чьи поведение и образ жизни находились в вопиющем противоречии с христианскими идеалами. Историки тех лет, хронисты, поэты, пилигримы оставили массу свидетельств, доказывающих нравственное превосходство мусульманского завоевателя над своими противниками — крестоносцами средневековой Европы. Так, захватив Иерусалим, Саладин разрешил христианам, желающим уехать в Европу, беспрепятственно выйти из города и погрузиться на генуэзские корабли. Но генуэзцы, для которых маленький тюк с пряностями был важнее единоверца, отказывались принимать беженцев бесплатно, и Саладин оплатил проезд из своей казны. А Ричард Львиное Сердце, захватив Акру, приказал донага раздеть и истребить три тысячи безоружных мусульман, а тела их бросить в колодезь. Примеров вероломства одних и благородства другого не счесть. Саладин пользовался необыкновенным авторитетом и уважением не только у своих подданных, но и у самых непримиримых врагов — крестоносцев. Беспощадная борьба между двумя мирами, по мнению автора, начнется с неблаговидного поступка Рено де Шатильона, захватившего в мирное время торговый караван, проходивший по владениям Саладина. Так Шатильон готовился нанести по исламу смертельный удар, овладеть Меккой, осквернить могилу Пророка в Медине, сжечь Каабу. Все силы мусульманской империи будут объединены ради священной войны, и это явится прелюдией к будущим войнам между исламом и Западом. Саладин стал легендой еще при жизни, а его безвременную кончину оплакивало все население. «Истинный герой ислама умер в крайней простоте, оставив после себя сорок семь динаров и одну золотую тирскую монету. Его семья вынуждена была одолжить денег, чтобы покрыть расходы на его погребение, и кади Ал-Фадил подарил им парадные одеяния и саван». И по сей день на Востоке Саладин почитаем как один из главных героев ислама, защитник веры, праведник и святой. Он был кумиром Саддама Хусейна. Не забывает его и современная массовая культура, он — герой фильмов и компьютерных игр. Книга А. Шамбора вышла в 1959 году, но до сих пор представляет интерес, вводя в проблематику противостояния пограничных конфессиональных культур, весьма актуальную и сегодня.

Елена ЗИНОВЬЕВА

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)